

Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай»

Валдай | Международный
дискуссионный клуб

Ближний Восток в поисках утраченного возрождения

Виталий Наумкин,
Василий Кузнецов

ru.valdaiclub.com
[#valdaiclub](https://twitter.com/valdaiclub)

Март 2021

Данный текст отражает личное мнение автора или группы авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба, если явно не указано иное.

ISBN 978-5-907318-29-8

© Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2021

Российская Федерация, 115184, Москва,
улица Большая Татарская, дом 42

Об авторах

Наумкин Виталий Вячеславович

Доктор исторических наук, профессор, академик РАН;
научный руководитель Института востоковедения РАН;
заведующий кафедрой региональных проблем факультета
мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова

Кузнецов Василий Александрович

Кандидат исторических наук, заведующий Центром
арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН,
заведующий базовой кафедрой Института востоковедения РАН
на Восточном факультете ГАУГН

Содержание

- 3 Введение
- 4 Три возрождения Ближнего Востока
- 8 Возрождение обществ
- 13 Возрождение идеологий и проектов развития
- 18 Возрождение лидерства и проблема институтов
- 21 Возрождение региона

Введение

2020-й стал, пожалуй, самым странным годом XXI века, завершившим одно из его наиболее ярких десятилетий. Для Ближнего Востока оно началось с так называемой «арабской весны», увенчавшей долгий период нарастания кризиса политических режимов и роста социальной напряжённости.

Принёсшая сначала большие надежды, а затем боль разочарований «арабская весна» виделась как путь к позитивному изменению региона. Однако надежды разбились о жестокую реальность, которая состояла из интервенций великих держав, насильственной смены режимов, оккупации и разворовывания национальных богатств, разгула спекулирующих религией террористических банд, гражданских войн и конфликтов, волн миграции, страданий огромных масс людей, санкционного давления. Казалось, регион погрузился в пучину кризисов, конца которым не видно.

На исходе десятилетия пандемия *COVID-19* ухудшила гуманитарную ситуацию в регионе, затормозила экономическое развитие, нанесла удар по социальным связям. А спекуляции относительно того, что она станет триггером многообещающих глубинных трансформаций обществ, государств и всей системы международных отношений, в которой уважались бы суверенитет и независимость, крепло сотрудничество и взаимопомощь, пока не оправдались. В то же время пандемия позволила несколько ярче проявиться на Ближнем Востоке тем трендам, которые здесь существовали и прежде и которые в совокупности могут быть обозначены как признаки *нового возрождения*.

Рассматривавшийся долгое время исключительно как реципиент внешних влияний, как территория, принадлежавшая к периферии мир-системы, Ближний Восток внезапно превратился в источник новых трендов мирового развития – не только лабораторию мировой политики, но и её своеобразного трендсеттера. Массовые протестные движения под лозунгами справедливости, новая роль религии в политической жизни, обострение международной конкуренции, рост влияния региональных держав, зачастую переигрывающих глобальных акторов, общая секьюритизация международных отношений и так далее – все эти знаковые для современного мира явления проявились в регионе прежде, чем где-либо ещё, и уже отсюда стали транслироваться на весь остальной мир.

В теоретическом отношении этот вывод, конечно, предопределяет необходимость переосмыслить схематическое описание мировой политики через концепты центра и периферии (Запада и Востока, Севера и Юга), остававшиеся адекватными реальности на протяжении последних нескольких столетий.

В мире нет больше ни центра, ни периферии, как, по всей видимости, и вообще нет бинарных географических оппозиций.

В практическом плане можно говорить об утрате Западом способности определять пути развития человечества, предлагая некие якобы универсальные идеалы для будущего. Это означает и завершение долгой эпохи технологической цивилизации. Технологический успех перестал гарантировать лидерство, но что приходит ему на смену, до сих пор непонятно.

Впрочем, тезис о возрождении Ближнего Востока может быть понят и иначе – не в глобальном контексте, а как характеристика его внутреннего развития, связанная с обращением обществ к проблемам собственной идентичности и переосмыслением своего исторического наследия.

Три возрождения Ближнего Востока

Метафора возрождения, положенная в основу доклада, может рассматриваться как одна из базовых для исламской культуры.

В прозвучавшей в Аравии VII века проповеди пророка Мухаммада содержалась новая концепция исторического бытия человечества. Осмысленная в полной мере лишь спустя несколько столетий, она основывалась на идее периодического повторения пророческих миссий, заставлявших людей раз за разом возвращаться к божественной правде, добиваясь восстановления попорченной справедливости. И раз за разом люди вновь сбивались с праведного пути, блуждая в потёмках, пока не появлялся

новый посланник. Последним таким посланником, как считают мусульмане, был пророк Мухаммад.

Всё дальнейшее политическое развитие арабо-мусульманского мира было наполнено бесконечной чередой религиозно-политических движений, требовавших возрождения, отречения от порочных нововведений и возвращения на пути праведных предков. Достаточно упомянуть Альморавидов и Альмохадов в Магрибе, ваххабитов на Аравийском полуострове, сенуситов в Ливии и махдистов в Судане.

Примерно в середине XIX века идея возрождения получила новое звучание в арабских вилайетах Османской империи. Развернувшееся в то время движение арабской ан-Нахды (*возрождение*) и схожие с ним процессы в других ближневосточных обществах были связаны со стремлением, с одной стороны, найти наиболее эффективные способы преодоления отсталости и национального унижения и вступления в эпоху реформ и модернизации, с другой – понять и поддержать свою исконную культурно-цивилизационную идентичность.

Стремление к модернизации заставило арабских интеллектуалов обратиться к европейским достижениям, причём не только техническим, но и философско-политическим, в том числе к концепциям нации, представительной власти, демократии и прочим. Новый взгляд на собственную идентичность и государственность стал естественным следствием восприятия европейской мысли.

Сформировавшиеся в то время концепции арабского национализма и панисламизма, остро поставленные вопросы о сочетаемости традиции и модернизации, ислама и современного государства, о пределах демократии и социальной справедливости определили повестку общественно-политических дискуссий на следующие полтора столетия, обозначив наиболее сложные проблемы развития региона.

Второе арабское возрождение было связано с борьбой за независимость и образованием новых независимых государств в регионе

в середине XX века. Если первая ан-Нахда носила по большей части культурно-просветительский характер и была направлена на формирование субъектности арабских обществ в лоне Османской империи, вторая оказалась явлением прежде всего политическим. Сформировавшаяся в условиях колониализма, она выражала собой вдохновлённое устремление лидеров национально-освободительных движений к обретению народами их национального суверенитета. Вопросы об идентичности, характере государственности, демократии и институтах приобрели вполне практический характер. Именно в это время оформилась трихотомия «исламизм – светский национализм – марксизм», в пределах которой формулировалось подавляющее большинство государственных идеологий арабского мира. При этом либерализм западного типа, хотя и не исчезал никогда из повестки дня арабских обществ, занимал в ней всё же маргинальное положение и так и не был взят на вооружение политическими элитами.

Хотя сама идея ан-Нахды связана с арабской политической традицией, пытавшейся найти свой путь, отличный от стран как Запада, так и Востока, схожие с ней феномены обнаруживаются и в турецкой, и в иранской, и в еврейской истории. Реформы Танзимата, османизм и пантюркизм, Младотурецкая революция и рождение современной Турции, с одной стороны; Иранская революция 1905–1911 годов и реформы Пехлеви – с другой; появление сионистского движения и образование государства Израиль – всё это были проявления мучительных поисков себя в новом, модернизированном мире.

Второе десятилетие XXI века обозначило контуры замаячившей на горизонте третьей по счёту ан-Нахды. В отличие от первых двух она появилась не как ответ на вызовы колониализма, а в первую очередь как результат стагнации той модели развития, что сформировалась в странах региона в период национального освобождения. Именно поэтому новое возрождение оказывается направленным не столько против внешних врагов, будь то другие государства региона или же Запад, а против врагов внутренних.

Таким образом, долгое время остававшаяся маргинальной интерпретация бурных событий истекшего десятилетия и трансформации

региона в свете постколониальной теории сегодня представляется всё более адекватной реальности.

В самом деле, массовые протестные движения и в 2011-м, и в 2019 году были направлены не против внешних акторов, а против пороков политических режимов в целом ряде государств, которые характеризовались не только как несправедливые и коррумпированные, но и как чуждые обществу, в сущности – неоколониальные. Отвержение иностранного вмешательства, грубого попрания национального суверенитета великими державами питало этот протест.

Как в самом движении за обновление, так и в последовавших за ним социальных и политических переменных, где-то происходивших почти безболезненно, а где-то обернувшихся катастрофами гражданских войн и противостояний, ближневосточные общества обретали новую субъектность, переосмысливали свою идентичность, выстраивали образы будущего – как социального, так и политического.

Эти образы могут быть описаны двумя арабскими словами, разница между которыми не всегда чувствуется в переводе – *ислах* и *таджид*. Оба они означают реформы, однако в случае *ислах* речь идёт о качественном улучшении, преодолении расколов, дисгармонии и разобщённости, а под *таджидом* понимается обновление как возвращение к норме¹. Эти понятия указывают на две принципиально разные логики возрождения, которые мы обнаруживаем на Ближнем Востоке нашего времени и которые раскрываются через изменения в самоидентификации обществ, государств и региона в целом.

Постколониальное возрождение на Ближнем Востоке во многом предвосхитило те бури, что разразились далеко за его пределами в 2020 году. Протестные движения в США и странах Европы, свидетелями которых мы недавно стали, не просто связаны с проблемами идентичности – они свидетельствуют о критическом недоверии к элитам, которые воспринимаются как чуждая и зачастую враждебная сила, мешающая обществам реализовать собственный путь развития.

¹ https://www.researchgate.net/publication/325123832_Islah_and_Tajdid_The_Approach_to_Rebuilding_Islamic_Civilizations

Возрождение обществ

Каждое из трёх возрождений XIX–XXI веков было в первую очередь возрождением обществ. Противостояние вызовам и борьба с колониализмом и неоколониализмом, кем бы они ни были представлены, заставляли общества заявлять о себе как о субъектах исторического процесса и тем самым обретать новое качество.

Процесс обретения субъектности может быть описан при помощи историко-политической теории Ибн Халдуна (1332–1406), идеи которого долгое время оставались интересными разве что историкам-востоковедам, но в последние годы получили совершенно новое звучание (в частности, к ним обращается российский исламовед Игорь Алексеев).

В своей знаменитой работе «Мукаддима» Ибн Халдун, среди прочего, предложил оригинальную схему развития государственности, базирующуюся на идее постоянного противостояния «крестьянско-кочевого» (*ал-‘умран ал-бадави*) и «городского» (*ал-‘умран ал-хадари*) обществ. Крестьянско-кочевое общество, будучи менее экономически развитым, чем городское, вместе с тем гораздо более консолидировано и потому может ему противостоять. Победы, периодически одерживаемые над «городом», неизменно приводят к одному и тому же – формированию новой государственности, росту уровня жизни, а затем – к распаду социальных связей, фрагментации и ослаблению.

В новых условиях, конечно, ни о каком прямом противостоянии крестьянско-кочевого и городского обществ речи не идёт. Процессы урбанизации, активно развивавшиеся на Ближнем Востоке все последние десятилетия, разложение племенных и клановых структур привели к тому, что весь описанный средневековым историком конфликт был перенесён в города, в рамках которых существуют как модернизированные слои населения (своеобразный «новый город», или *неохадара*), полностью интегрированные в современную

экономику и политическую систему, так и те, кто оказался за бортом модернизации и политического развития (новое крестьянско-кочевое общество, или *необадавийя*). Модель политического управления арабских стран, сформировавшаяся в середине XX века, основывалась на отчуждении одних от других.

Противостояние этих двух частей социума может осуществляться как по насильственному сценарию, так и относительно мирно. При этом возрождающаяся в ходе него новая социальная субъектность реализуется либо через *ислах*, либо через *таджид*.

Неохадара, встающая на путь *ислаха*, стремится к борьбе с существующими пороками общественно-политической системы посредством, прежде всего, её модернизации, что ведёт к появлению связанного с глобализацией нарратива, в рамках которого ставятся вопросы, ранее в общественно-политической повестке остававшиеся относительно маргинальными: борьба с коррупцией и nepотизмом, права субальтерных групп, гендерное равенство и так далее.

Если же эта часть общества видит своё будущее в *таджиде*, то результатом становится формирование консервативного нарратива, в рамках которого основная угроза естественному порядку вещей проистекает из негативных внешних влияний, а идеалом оказывается восстановление старых добрых моделей XX века.

При этом в случаях, когда к *таджиду* обращается *необадавийя*, результатом становится фундаменталистская концепция возвращения к временам праведных предков и построения принципиально нового общества и государства, которое будет основано на идеалах золотого века.

Когда же *необадавийя* встаёт на путь *ислаха*, то ей приходится отвергать как существующую политическую реальность, более или менее приемлемую для *неохадары*, так и идеалы религиозного фундаментализма, что ведёт к необходимости изобретения нового порядка

вещей, основанного на ценностях социальной справедливости и общественной солидарности, ярче всего явленных в социалистическом нарративе (табл. 1).

ТАБЛИЦА 1		
	Необадавия	Неохадара
Ислах	Левые нарративы (1)	Либеральные нарративы (3)
Тадждид	Фундаменталистские нарративы (2)	Консервативные нарративы (4)

Очевидно, что общественно-политический потенциал четырёх нарративов не одинаков. В наиболее выигрышной позиции оказываются те, кто выбирает четвёртый квадрант: ведь если *неохадара* обращается к *тадждиду*, то для неё речь идёт всего лишь о сохранении существующей общественно-политической системы с небольшими изменениями, рецепты которых более или менее известны. Соответственно, самое слабое положение занимает первый квадрант: маргинализированным группам населения, обращающимся к социалистическим ценностям, приходится думать и о завоевании власти, и о выстраивании принципиально новой системы общественных отношений. Сторонники второго и третьего путей занимают срединное положение, причём находятся в наиболее жёстком противостоянии друг с другом.

Если все четыре описанных подхода к возрождению существовали и ранее, то в условиях роста противоречий и ожесточения борьбы каждый из них усугубляется в противостоянии оппонентам, что ведёт к переосмыслению идентичностей, формированию новых консолидированных групп и усилению общественной фрагментации, по крайней мере – в краткосрочной перспективе.

Необходимость реализации этих нарративов в общественно-политической жизни требует их институционального и идеологического оформления, причём ни то, ни другое на практике с самими нарративами в полной мере не совпадает.

Казалось бы логичным, если бы *неохадара* реализовывалась через современные институты гражданского общества, а *необадавийа* – через традиционные социальные структуры. На деле социальная близость двух нарративов *необадавийи*, с одной стороны, и *неохадары* – с другой, и ценностное родство сторонников *ислаха*, принадлежащих к разным общественным группам, и сторонников *тадждида* ведут к тому, что практически каждый из нарративов может воплощаться при помощи и современных, и традиционных институтов. Итогом становится рост числа и многообразия негосударственных акторов, активно использующих опыт друг друга.

Можно выделить организационные формы, которые в большей степени, чем другие, соответствуют каждому из нарративов. Консерватизм, изначально имеющий охранительный характер и так или иначе стоящий на страже традиционной модели государственности, пожалуй, наиболее склонен к вертикальным, завязанным на государственную власть моделям управления. Он, конечно, может проявлять себя в деятельности различных политических партий, однако и они, как правило, чувствуют себя некомфортно без постоянной государственной поддержки. Фундаменталистские группы в большей степени склоняются к использованию традиционных или псевдотрадиционных институтов. Даже если они заявляют о себе как о политических партиях или НПО, подобное оформление преследует главным образом тактические цели и не отражает их реальных общественно-политических задач. Либеральные группы, как правило, не могут себе позволить выступать в качестве самостоятельных политических сил и вместе с тем, в силу ценностных установок, порывают с традиционными структурами, действуя в основном в спектре НПО. Наконец, сторонники левых взглядов испытывают наибольшие трудности с институционализацией – за исключением тех случаев, когда их дискурс берёт на вооружение охранители.

Многие организации носят гибридный характер и объединяют в своей практике самые разные модели поведения и сторонников разных нарративов. Пожалуй, едва ли не самым ярким примером этого является «Хизбалла», сочетающая в себе черты политической партии, социального движения, вооружённого формирования, НПО и бизнес-структуры.

В её деятельности не только сочетаются фундаментализм и консерватизм, но и присутствуют некоторые элементы двух других нарративов. Достигнутые «Хизбаллой» в последние десятилетия успехи сделали её опыт привлекательным и для других организаций, так или иначе пытающихся повторить её путь.

Поскольку возрождение обществ предполагает усиление горизонтальных связей, особую актуальность в последние годы приобрели организации, строящиеся на сетевом взаимодействии. При этом новые технические возможности, связанные с информатизацией, распространением мобильной связи и интернета, облегчают это взаимодействие тем больше, чем лучше они сочетаются с теми коммуникационными моделями, что и раньше были довольно развиты в регионе. Достаточно вспомнить исмаилитскую сеть IX–X веков, суфийские институты или организацию «Братья-мусульмане», история которой насчитывает более девяноста лет.

В результате развития сетевых структур ни один из нарративов сегодня не развивается в узких рамках национальных государств. Структуры и организации, представляющие каждый из этих нарративов, интегрированы в широкие региональные сети сотрудничества и взаимодействия, что означает зачастую не только обмен идеями, но и вполне реальную взаимную поддержку – политическую, экономическую или военную.

Период жёсткого противостояния *необадавийи* и *неохадары* сегодня в большинстве стран региона, по всей видимости, подошёл к завершению. Попытки реализации принципиально новых проектов государственного строительства не увенчались успехом, и старые элиты, пусть даже существенным образом обновившись, сумели сохранить свою власть. Это касается не только Египта или Алжира, но даже Туниса, где участие во власти исламистской партии «ан-Нахда» заставило её адаптироваться к существующей политической системе, приняв республиканские ценности. Таким образом, основная линия разделения в ближайшие годы, как представляется, будет проходить не по линии *необадавийи/неохадара*, а по линии *ислах/таджид*.

Возрождение идеологий и проектов развития

Последнее утверждение заставляет задаться вопросом о роли идеологий в политической жизни региона. Довольно легко заметить, что ни один из перечисленных нарративов не может быть соотнесён напрямую с какой-либо существующей идеологией. Исламистские движения, арабские националисты, партии левого толка и все прочие легко сочетают в своих дискурсах элементы всех четырёх типов нарративов.

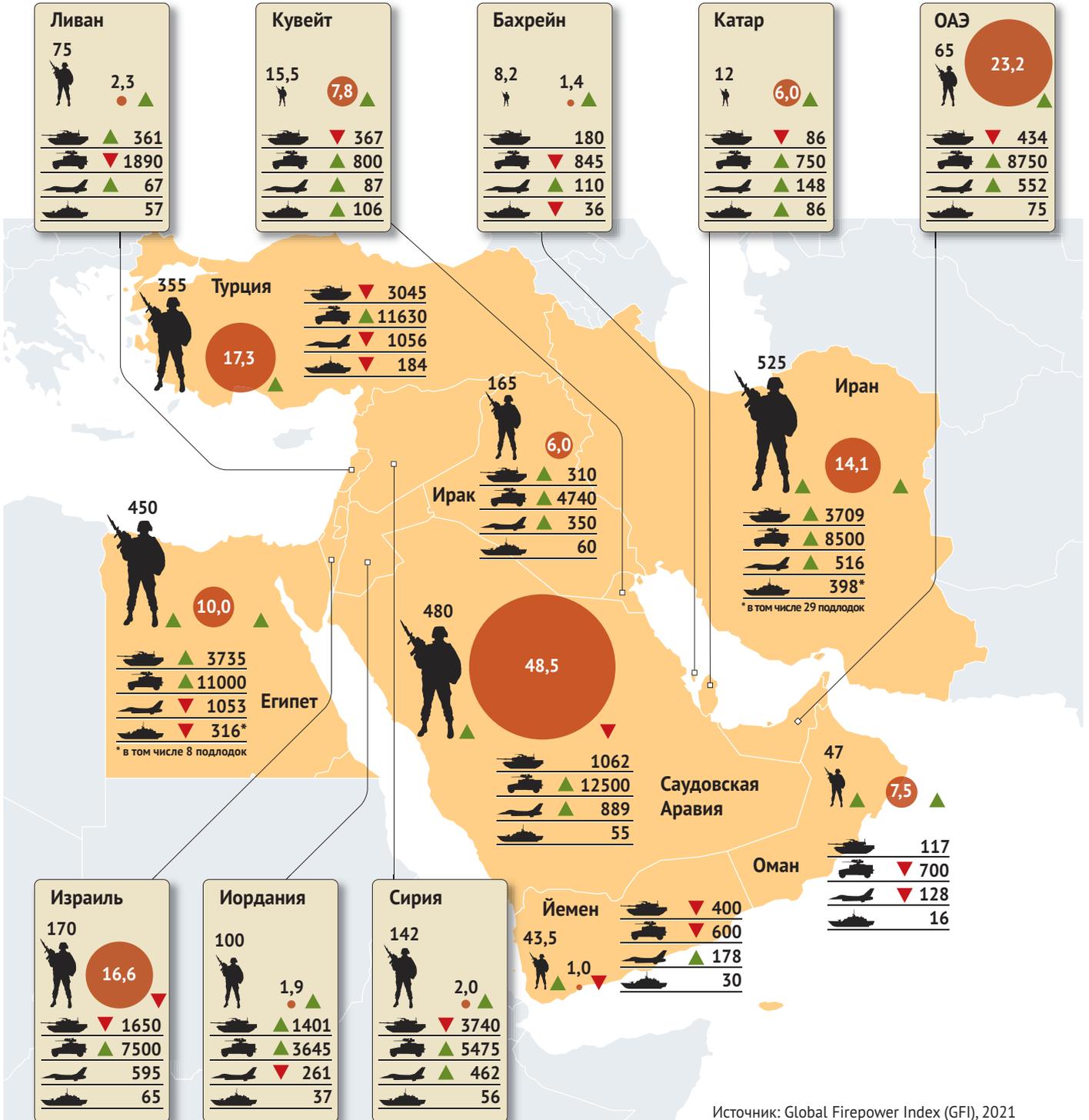
Отчасти это связано с инерционностью идеологий, спектр которых сформировался ещё в период колониализма и национально-освободительной борьбы, когда и политическая повестка, и сама социальная структура обществ были совершенно иными, нежели сейчас.

Вместе с тем прототипы первых двух элементов трихотомии «исламизм – арабский национализм – марксизм» встречаются в истории региона задолго до того, как в мире появилось представление о политических идеологиях. Противостояние настаивавших на исламском эгалитаризме Аббасидов и опиравшихся на арабские племена Омейядов в середине VIII века может служить прообразом противостояния (пан)исламистов и светских арабских националистов в XX веке. Следовательно, арабский национализм и исламизм должны рассматриваться не как идеологии в чистом виде, но, скорее, как идеологическая проекция тех двух способов самоидентификации, которые в принципе присущи региону. А если так, то вполне можно предположить, что они сохраняются и после исчезновения идеологий как таковых, которое наметилось ещё в последней четверти XX века и было описано Жаном-Франсуа Лиотаром в его известном эссе «Состояние постмодерна».

Вероятно, с этим связано и то, что ни изменение форм идеологий, ни их исчезновение не привело к уходу указанной трихотомии с исторической арены.

ВОЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Число военнослужащих (тыс. чел.)
 Военный бюджет (млрд \$)
 Танки
 Бронемшины
 Боевые самолеты/вертолеты
 Боевые корабли
 Рост/падение по сравнению с прошлым годом

Источник: Global Firepower Index (GFI), 2021

Некоторое время назад общим местом был тезис об окончательном крахе арабского национализма после 1967 года. Однако сегодня вполне можно утверждать, что арабский национализм возрождается по меньшей мере в трёх ипостасях. **Во-первых**, как реальность культурно-коммуникационного пространства, подкрепляемая общностью рынка труда. Не случайно протестные движения, что в 2011-м, что в 2019 году, охватывали именно арабские общества, а их участники активно взаимодействовали друг с другом в информационном поле. **Во-вторых**, как идеология сумевшей удержаться у власти сирийской Баас. Кроме того, пусть и относительно немногочисленные, партии баасистов, насеристов и преемников Движения арабских националистов представлены едва ли не во всех арабских странах. И наконец, **в-третьих**, как внешнеполитический проект ряда государств Залива, прежде всего ОАЭ и Саудовской Аравии, направленный главным образом против Ирана.

Столь же часто, как ранее о крахе арабского национализма, сегодня принято говорить о крахе исламизма и близких к нему движений. Действительно, исламистский проект в последние несколько лет столкнулся с рядом вызовов, на которые его сторонникам ещё придётся искать ответы. С одной стороны, он был дискредитирован ультрарадикалами из террористических организаций, в основном потерпевших поражение, хотя далеко не окончательное, в ходе боёв. С другой же, умеренные исламисты и даже салафиты во многом были интегрированы в политические системы – представляющие их партии зарегистрированы почти во всех арабских странах, где существует парламентская система (за исключением Сирии), и в большинстве случаев представлены в органах законодательной власти. В результате исламистские силы вынуждены переосмысливать себя в новых условиях, когда одного лишь противостояния обвиняемым в авторитаризме режимам и примерки образа жертв оказывается недостаточно, а опыт звериного насилия лишил их поддержки большинства населения региона и надолго восстановил против них практически всё международное сообщество.

Что же касается третьего элемента трихотомии – марксизма и близких к нему социалистических идеологий, то сегодня, по всей видимости, продолжается болезненный процесс переосмысления ими самих себя

и своей роли в обществе, что, впрочем, не мешает активному участию левых в политической жизни. Левацкие установки остаются вполне востребованными в Западной Сахаре, Алжире, Тунисе, Египте, Палестине, Йемене и некоторых других странах региона.

Слабость движений левого толка по сравнению с исламистскими или арабскими националистическими, по всей видимости, объясняется как раз тем обстоятельством, что в отличие от последних первые основываются именно на идеологии, а не на идеологических проекциях идентичностей. Косвенным подтверждением этого служит и то обстоятельство, что ни одна из популярных в западном мире идеологий последних десятилетий (субальтерность, энвайроментализм, антиглобализм и тому подобные) не нашла широкой поддержки в регионе, хотя отдельные их элементы и могут заимствоваться самыми разными политическими силами. Другие формы идентичности, в том числе локальные национализмы или неоимперские дискурсы, оказываются чрезвычайно востребованы как в арабском мире, так и за его пределами – в Турции, Иране и Израиле.

Если посмотреть на идеологические искания на Ближнем Востоке через призму предложенной ранее оппозиции *ислах – тадждид*, то можно увидеть, что сегодня она соотносится не с большими идеологическими проектами, а скорее с тем, что Жан-Франсуа Лиотар называл «локальными консенсусами» и что в политической практике выражается, прежде всего, в стратегиях национального развития.

Выбор между *ислахом* и *тадждидом* стоит не только перед гражданскими активистами, но и (в гораздо большей степени) перед политическими элитами, вынужденными отвечать как на всё новые глобальные вызовы, так и на запросы собственных обществ.

Яркими примерами приверженности *тадждиду*, вероятно, следует считать Алжир, Египет, Сирию. Предпринимаемые их правительствами усилия направлены, прежде всего, на восстановление нормы (как они её понимают), устранение угроз существующей политической и/или

социально-экономической системе. С этим связано фокусирование внимания правительств на решении вопросов национальной безопасности, которая понимается чрезвычайно широко, и стремление интерпретировать через её призму в том числе и проблемы развития. Подобный подход ещё совсем недавно мог казаться несколько архаичным, однако сегодня пандемия *COVID-19* сделала его востребованным во многих странах.

Марокко, Тунис, Саудовская Аравия, ОАЭ являют собой примеры *ислаха*. Не без труда, встречая множество препятствий на пути, правительства этих стран пытаются найти свой путь в будущее, основанный на симбиозе местных культурно-исторических традиций и внешних заимствований. Проявлением такого подхода к управлению становятся амбициозные стратегии национального развития, принятые в странах Залива, его зримыми воплощениями – построение экономики знаний в ОАЭ, космическая программа, феминизация госсектора, роботизация, европеизация марокканского и тунисского законодательств и так далее. Разумеется, в некоторых случаях эти достижения носят декларативный характер и свидетельствуют скорее о выбранных приоритетах развития, чем о реальных глубинных изменениях, но идеологическая их составляющая от этого не становится менее значимой.

Выбор одного из двух путей, по всей видимости, определяется не только конфигурацией политической системы и её уязвимостью, но и спецификой мировосприятия элит. При этом сильные и слабые стороны есть у обоих путей возрождения. Обновление (*таджид*) не сулит прорывов в развитии, однако должно гарантировать восстановление нормального функционирования системы и её устойчивость. Проблема заключается в том, что неизвестно, насколько вообще старая система управления способна адаптироваться к изменившимся условиям (как внутренним, так и внешним), а секьюритизация повестки развития может обеспечить общественное спокойствие лишь на некоторое время. Вместе с тем *ислах*, при всей заманчивости связанных с ним перспектив, по всей видимости, сложно будет ограничить исключительно отдельными сферами общественной жизни или экономики, а значит – со временем появится необходимость и в политических изменениях.

Возрождение лидерства и проблема институтов

Если посмотреть на вопросы развития не с точки зрения идеологических исканий и самоосмысления элит региона, а в контексте практик управления, становится заметным, возможно, ключевой конфликт, с которым сталкиваются сегодня ближневосточные государства (прежде всего арабские, но не только): тренды долгосрочного развития и меры, необходимые для принятия эффективных решений здесь и сейчас, противоречат друг другу.

Долгосрочные тренды, в принципе, соответствуют общемировой практике. Хотя и не без труда, демократические институты управления распространяются во всех странах, где действуют институты представительной власти. Электоральные процедуры стали чрезвычайно значимыми даже в государствах, находящихся в перманентном кризисе. Происходит укрепление структур гражданского общества, в том числе в странах, находящихся в состоянии конфликтов. Всё это вроде бы должно подталкивать к возрождению через *ислах* и, соответственно, к институциональным изменениям. Однако именно институты всегда оставались слабым местом ближневосточных политических систем, а заложенные ещё в период формирования государственности дисбалансы их развития так и не были преодолены. Наиболее действенными частями государственного аппарата изначально служили силовые структуры и технократическая бюрократия, в то время как органы представительной и судебной власти, а также партийные системы и сектор гражданских организаций оказывались откровенно слабыми. Их укрепление, связанное с результатами общественной модернизации, влечёт за собой потребность в изменении если не конфигурации политических систем, то практик управления, что естественным образом временно снижает эффективность последних и усиливает угрозы безопасности.

Рост рисков, проистекающих как из социальной трансформации, так и из внешней среды, создаёт ситуацию чрезвычайного положения

(по Карлу Шмитту), в которой наиболее эффективными оказываются те системы, которые могут быстро и консолидированно отвечать на новые вызовы и угрозы. Это естественным образом ведёт к усилению персоналистского фактора в управлении и временно снижает значимость институтов. Конечно, в перспективе это может стать источником обновлённого авторитаризма – не случайно упомянутый Шмитт разрабатывал свою концепцию чрезвычайного положения и суверенитета как раз для легитимации диктатуры. Однако в совокупности с тенденциями усиления общественных институтов более вероятной представляется перспектива ускоренной модернизации сверху с возможным новым ростом конфликтности в среднесрочной перспективе (последняя может быть преодолена и ненасильственным путём).

Впрочем, как бы ни развивалась ситуация в будущем, на сегодняшний день можно констатировать, что одной из форм новой ан-Нахды стало возрождение политического лидерства, обретающего принципиально иные, чем во времена первых двух возрождений, черты.

Ключевыми фигурами первой ан-Нахды были вовсе не политики, а идеологи, интеллектуалы и просветители, видевшие свою роль, главным образом, в трансформации культуры и идентичности и только исподволь пытавшиеся влиять на политический процесс. Достаточно вспомнить «лидеров ислаха» Джамаль ад-Дина аль-Афгани и Мухаммеда Абдо или (за пределами арабского мира) Теодора Герцля. Только на излёте этого периода на первый план стали выдвигаться лидеры национально-освободительных движений.

Во времена второй ан-Нахды лидерами становились политики, предлагавшие свой образ будущего: Хасан II, Гамаль Абдель Насер, Хабиб Бургиба, Муаммар Каддафи, король Фейсал и другие. Их реформаторская деятельность была связана не столько с необходимостью ответа на вызовы сегодняшнего дня, сколько со стремлением воплотить свой проект развития. На смену им пришли функционеры, стремившиеся поддерживать более или менее эффективную работу уже созданной системы. Очередная смена поколений не была связана напрямую с событиями

«арабской весны». Мухаммед бин Заид, Мухаммед бин Салман, Тамим бин Хамад, Мухаммед VI, Биньямин Нетаньяху, Реджеп Тайип Эрдоган, Башар Асад и даже Абдельфаттах ас-Сиси не были выдвинуты на авансцену истории протестными движениями – многие из них находились у власти задолго до их начала. Однако некоторые из этих руководителей в условиях протестов, региональных конфликтов и нарастающих террористических угроз оказались способны по-новому проявить себя.

Перечисленные лидеры не проявляют такой склонности к философским исканиям, как деятели первой ан-Нахды, не разделяют романтизма второй или унылого технократизма поколения смены веков. Эта плеяда, оказавшаяся на авансцене истории в силу чрезвычайных обстоятельств, создавшихся в растерзанном регионе «осыпающегося мира», становится поколением тактиков. Скорость реакции на новые вызовы, гибкость взглядов, смелость в принятии решений – те качества, которые их отличают. Именно поэтому с ними зачастую трудно иметь дело – их прагматизм зашкаливает, а политическая стратегия, если и вырисовывается, то в основном постфактум. Они, по всей видимости, не верят в идеологии, но готовы их использовать ради достижения понятных результатов.

Всё это влечёт за собой как плюсы, так и минусы.

Помимо упомянутой способности к быстрому принятию сложных решений и мощной политической воли для их реализации, к плюсам относится, конечно, и то, что эти лидеры в перспективе могут коренным образом перестроить политические системы, преодолев институциональный дисбаланс.

Минусы же связаны с замыканием процесса принятия решений если не на одну фигуру, то на узкий круг лиц, а также с пренебрежением горизонтальными моделями управления и с усилением эмоционального фактора как во внутренней, так и во внешней политике. Кроме того, растущая сложность государственных систем повышает цену ошибок, связанных с единоличным принятием решений, что, в свою очередь, ведёт к угрозам утраты общественного доверия.

Проблемы, касающиеся развития, трансформации институтов и политического лидерства, заставляют признать, что процесс трансформации Ближнего Востока ещё далеко не завершён, а снижение его интенсивности в последнее время – лишь видимость.

Возрождение региона

Как первое, так и второе возрождение были связаны не только с изменением ближневосточных обществ и государств, но и с изменением места региона во всей системе международных отношений. Во времена первого возрождения речь шла о включении ближневосточного ареала в мировую политику в рамках колониальных моделей управления. Во времена второго – об интеграции молодых государств в биполярную систему отношений. Именно в это время Ближний Восток сложился как политический регион в его нынешних границах и сформировались механизмы его отношений с Западом, равно как и его внутренняя архитектура.

Третье возрождение, по всей видимости, означает как пересмотр отношений с внешним миром, так и изменение самой конфигурации региона, причём параметры и того, и другого могут быть различны.

На одну из линий трансформации указывал почти десять лет назад известный писатель и дипломат, многократный участник Ближневосточных диалогов Международного дискуссионного клуба «Валдай» Мустафа Тлили. Выступая на конференции Клуба в начале 2010-х годов, он говорил о том, что после «арабской весны» перед государствами Ближнего Востока открываются два пути. Один из них ведёт к быстрой модернизации, интеграции в сообщество наиболее развитых стран мира, к распространению демократии и укреплению гражданских прав и свобод. Другой – к архаизации, хаосу и насилию. Парадоксальным образом, сегодня, десять лет спустя, можно констатировать, что реализовались оба сценария. Менее полутора тысяч километров отделяет друг от друга ту территорию Ирака и Сирии, которая в середине 2010-х годов оказалась под контролем запрещённой в России террористической организации

ДАИШ/ИГИЛ, и территорию ОАЭ, недавно отправивших на орбиту Марса свою межпланетную станцию «аль-Амаль», причём местная команда учёных и инженеров на 80 процентов состояла из женщин. В эти полторы тысячи километров вместился разрыв между дичайшими формами архаики и вершиной технологического мира, между двумя принципиально разными типами экономик, социального устройства, политических систем и представлений о возрождении. Несмотря на то, что ИГИЛ как территориальное образование было уничтожено, остались его многочисленные ячейки и база сторонников, а с ними сохраняется и сам потенциал архаизации. Следовательно, сохраняются и две потенциально возможные модели реструктуризации региональной системы.

Нормализация отношений между рядом арабских государств и Израилем в конце 2020 годов, будучи во многом мотивирована конъюнктурными антииранскими соображениями, объективно ведёт к изменениям стратегического характера, хотя сохраняющаяся неурегулированность палестинской проблемы делает невозможным достижение в регионе прочного мира, не говоря о противоречии существующего статус-кво элементарным идеалам справедливости. Тем не менее этим соглашением, сулящим экономическую и технологическую связанность, ряд арабских государств как бы демонстрирует однозначный выбор пути развития.

Движение по нему, однако, связано с двумя проблемами.

Во-первых, технологическая модернизация и попытка занять лидирующее положение в условиях очередной промышленной революции и становления нового технологического уклада требуют глубокой социально-политической трансформации – возникновения компенсаторных механизмов, которые позволят преодолеть отставание. Могут ли сыграть их роль мощное политическое лидерство, капиталозыточность и сотрудничество с технологическими лидерами по принципу взаимодополняемости – большой вопрос.

Во-вторых, однозначный выбор одного из путей и последовательный отказ от второго означает разрыв с частью обществ региона,

что повышает риски и во внешней среде. Сегодня это не принято вспоминать, однако до Второй палестинской интифады у ряда государств региона, не считая Египта и Иордании, имевших полноценные дипломатические отношения с Израилем, уже был опыт выстраивания торговых и даже неполных дипломатических отношений с этой страной, который потом был свёрнут: издержки от сохранения отношений оказались слишком велики и не могли оплатить те политические риски, на которые пришлось бы пойти решившимся на него странам.

Другая линия изменений связана с отношениями между арабскими и неарабскими державами. Процесс национального возрождения затронул Турцию, Иран и Израиль не в меньшей степени, чем их арабских соседей.

Конечно, так называемые турецкая и иранская модели, о которых много говорили в 2011 году, как и следовало ожидать, оказались невозпроизводимы в арабских государствах. Но обе страны продемонстрировали свою привлекательность в качестве своеобразных образцов социально-политического развития для значительных масс населения в арабском мире и за его пределами.

Израиль, хотя по объективным причинам и не может стать таким образцом, и в этом плане его лидерский потенциал существенно ограничен, за последние годы всё же глубже интегрировался в ближневосточную систему отношений, свидетельством чего и стала вышеупомянутая нормализация.

Что же касается Турции, то её резкая активизация и рост геополитических амбиций могут рассматриваться уже как некий мегатренд регионального развития. Раньше аналитики склонялись к мысли, что Турция способна выступать скорее как спойлер для региона, но вряд ли способна создать основы собственного порядка. Сегодня мы видим, что она хочет избавиться от подобного ограничения. Анкара стремится выступать как региональная сила, претендует на выстраивание основ порядка, причём не только на Ближнем Востоке, но в какой-то мере и за пределами региона, следствием чего становится частичное изменение границ

Ближнего Востока, распространение свойственной ему конфликтной логики на Восточное Средиземноморье и Южный Кавказ. Впрочем, сегодня рано говорить о том, будет ли этот процесс носить фундаментальный характер или же останется своеобразным протуберанцем ближневосточных баталий.

Как бы то ни было, очевидно одно – принятие на себя Турцией новой роли не может объясняться исключительно с позиций политического прагматизма, в принципе не предполагающего изменения внешнеполитической идентичности, но свидетельствует о переосмыслении турецкими элитами места страны в мировой политике.

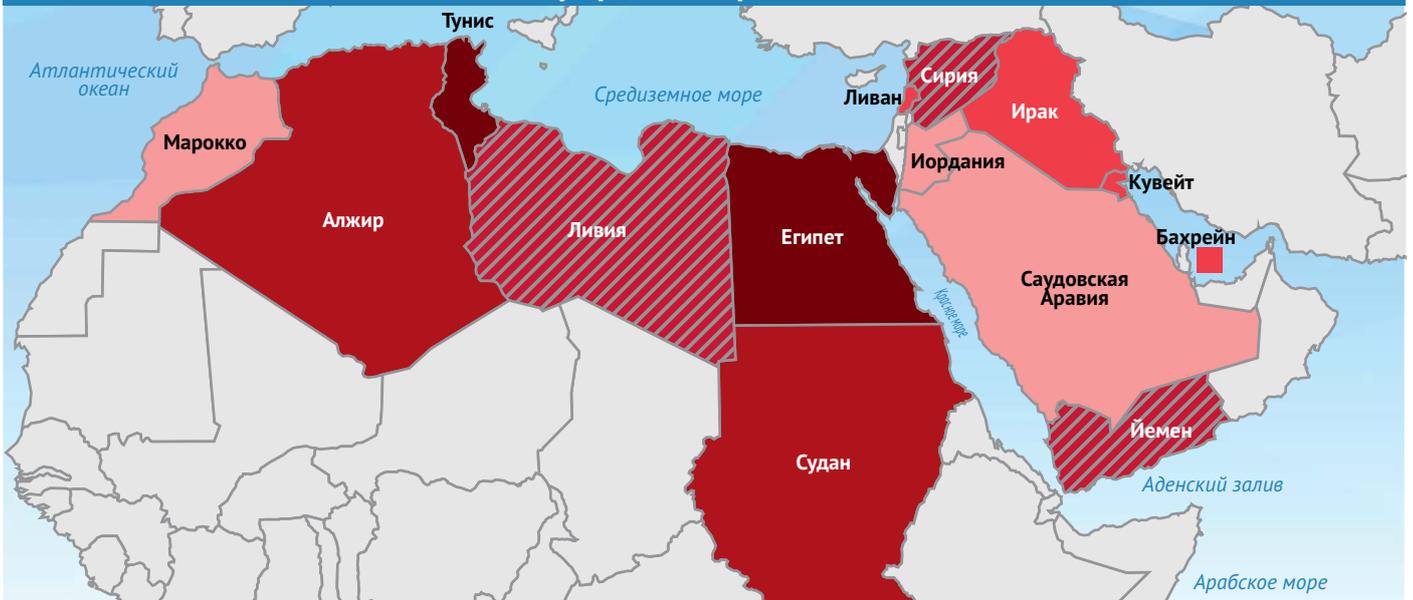
Схожая ситуация и с Ираном. Многолетний процесс интеграции Исламской Республики в ближневосточную систему отношений после прихода к власти в США администрации Джозефа Байдена обретает новые перспективы, хотя контуры решения ключевой проблемы этой интеграции – преодоления ирано-саудовских (и ирано-эмиратских) противоречий – пока не просматриваются. Основатель Национального ирано-американского совета Трита Парси считает, что, если бы Эр-Рияд был поставлен перед выбором, он бы предпочёл изолированный Иран с ядерной бомбой принятому в международном сообществе Ирану без смертельного оружия. Иначе говоря, для Саудовского королевства снятие санкций с Ирана опаснее приобретения Тегераном ядерного оружия. В своей оценке Джеймс Дорси из Наньянского технологического университета в Сингапуре идёт ещё дальше: для амбиций Саудовского королевства Иран опасен независимо от того, какой режим там сейчас у власти. Поскольку речь о двух государствах с исламскими режимами, хотя и представляющих разные направления в исламе, приходится сделать вывод, что корни противоречий лежат не в области религии – они связаны с соперничеством двух национализмов, пусть даже и инструментализирующих конфессиональные идентичности.

Легко заметить, что если возрождение арабских государств направлено главным образом вовнутрь и проистекает из переосмысления собственных идентичностей и проектов национального развития,

10 ЛЕТ «АРАБСКОЙ ВЕСНЕ»

События, вспыхнувшие в 2011 году в странах Ближнего Востока и Северной Африки, глубоко изменили политический ландшафт региона и привели к гражданским войнам, свержению правительств и революциям.

К чему привела «арабская весна»

- страны, где произошли революции
- страны, где произошли массовые протесты и политические кризисы
- страны, где произошли вооруженные конфликты
- страны, где произошла смена политических режимов
- страны, где произошли реформы

Факторы, породившие «арабскую весну»

Демографические диспропорции

Отсутствие социальных лифтов

Стремление к смене элит

Коррупция и nepотизм

Безработица

Природные катаклизмы

Последствия «арабской весны»

- Рост вооружённых конфликтов.
- Рост религиозного экстремизма.
- Появление террористической группировки ИГИЛ (запрещена в РФ).
- Увеличение трафика наркотиков и оружия.
- Рост числа беженцев (с 2 млн в 2010 г. до 18,6 млн в 2019 г.).
Миллионы людей были изгнаны из своих домов и направились к берегам Европы.

- Изменение роли внешних факторов.
- Изменение баланса сил в регионе.
- Расширение демократии.
- Укрепление гражданского общества.

- Свободное передвижение боевиков между различными государствами Ближнего Востока, Северной Африки и сопредельными странами.
- Многочисленные неподконтрольные центральным властям «серые территории».

- Усиление социальной поляризации и возрастающее значение социально-экономических требований.

Источники: информационные агентства, gazeta.ru, washingtonpost.com.

то возрождение неарабских акторов в большей степени соотносится с внешней политикой, изменением представлений о месте этих государств в регионе и мире. Такая ориентация вовне может объясняться стремлением компенсировать трудности внутреннего развития лишь отчасти. Более значимой причиной представляется то, что национальное возрождение в этих государствах заставляет их обращаться к собственному имперскому опыту, требующему соответствующего позиционирования в мировой политике.

Ещё одна линия изменений ближневосточной подсистемы связана с конфликтами. Хотя ни один из них так и не был урегулирован, события последнего времени показали, что они перестали быть центральной темой региональной повестки и во многом утратили свою системообразующую функцию.

Конечно, в каждом из случаев политическое урегулирование остаётся серьёзной проблемой, а международное посредничество демонстрирует пределы своих возможностей. Однако нельзя не заметить, что как на региональном, так и на глобальном уровне противостояние между внешними игроками снизило свою интенсивность. Если оно не возобновится, например, в результате изменения баланса в отношениях между США, Ираном и Саудовской Аравией, то шансы на урегулирование, вероятно, возрастут.

Впрочем, они могут быть подорваны изнутри, например, в результате активизации террористических групп и структур, политическое и финансовое благополучие которых завязано на конфликте. В этом контексте особенно важным оказывается включение в повестку урегулирования вопросов о судьбе вооружённых милиций и о демилитаризации населения. Правда, сегодня эти проблемы по большей части остаются на периферии дискуссий о миростроительстве.

В случае если в государствах, переживающих конфликты, не будет установлен мир, а сами они не окажутся в полной мере реинтегрированы в ближневосточную и глобальную системы отношений,

описанная Мустафой Тлили развилка регионального развития сохранится. И хотя успешные государства, в принципе, могут обезопасить себя от прямых негативных воздействий с соседних территорий, косвенное их влияние никуда не исчезнет. Оно будет заключаться не только в угрозах распространения насилия и терроризма, но и в том, что само существование этих угроз будет препятствовать восстановлению баланса государственных институтов, их укреплению и развитию и станет барьером на пути регионального взаимодействия, не говоря уже об интеграции.

Описанные трансформации региональных отношений в значительной степени связаны с изменением отношений государств Ближнего Востока с внешними акторами. Притом, что регион просто в силу своего географического положения, населения, ресурсов, символической значимости сохраняет и будет сохранять важнейшее значение в системе международных отношений, роль внешних акторов в разворачивающихся там процессах постепенно снижается и, по всей видимости, в условиях «пост-пандемийного» мира продолжит снижаться.

Если европейские государства и так уже максимально ограничили свою роль на Ближнем Востоке, то США продолжают политическую линию, сформировавшуюся ещё при Бараке Обаме. Постепенное снижение активности, разумеется, не означает полного ухода из региона. Скорее можно говорить о стратегиях непрямого участия, которые могут получить более широкое распространение, а также о продолжении попыток создания региональной системы отношений, не завязанной на прямое регулирование из США.

Что же касается России, то её роль, по всей видимости, также будет меняться. Несмотря на то, что за последние пять лет она объективно выросла, Москва никогда не ставила перед собой задачи заменить собой США или Европу в управлении региональными процессами. В конце концов, опыт и тех, и других оказался не очень удачен, а описанное в докладе усложнение региональной реальности не внушает оптимизма относительно перспектив внешнего управления.

Позитивный опыт взаимодействия, стремление ближневосточных государств диверсифицировать свои внерегиональные связи, некоторая перекличка между общественно-политическими процессами указывают на возможные перспективы сотрудничества. Однако недостаточная артикуляция внешнеполитических стратегий обеими сторонами создаёт очевидные риски. В то же время приверженность России принципам уважения норм международного права, суверенитета, независимости и территориальной целостности государств региона, готовность к равноправному взаимовыгодному сотрудничеству, её опыт посредничества в конфликтных ситуациях, привлекательность её внешнеполитических инициатив, к примеру – выдвижение Концепции коллективной безопасности в Персидском заливе, а также дружественные исторические связи с народами Ближнего Востока делают возможным успешное купирование рисков. Этому будет содействовать и проявляющаяся всё в большей степени заинтересованность ближневосточных государств в развитии отношений с Россией.

- ValdaiClubRu
 - valdaiclub
 - ValdaiClub
 - valdaiclubcom
 - @RuValdaitweets
- valdai@valdaiclub.com

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

Российский совет
по международным
делам

МГИМО
УНИВЕРСИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ